

Общие черты в раннем развитии эмиссионных банков Северной Европы¹

Аннотация: Данная статья представляет собой сравнительный исторический обзор раннего этапа развития банковского дела в странах Балтийского моря. В этом регионе банки, выпускающие банкноты, появились довольно рано. У этих банков был ряд заметных общих черт, которые явно отличают раннюю североευропейскую модель протоцентрального банка от доктрины реальных векселей, лежащей в основе модели классического центрального банка, которая позже стала общепризнанной в мировом масштабе. Наиболее интересной общей особенностью североευропейских протоцентральных банков является структура их активов. В отличие от доктрины реальных векселей, ставящей в центр операцию учета векселей, эти эмиссионные банки предоставляли преимущественно ипотечный кредит. В статье также рассматривается переход к доктрине реальных векселей в странах Балтийского моря, который в основном произошел во второй половине XIX в. В данном исследовании также предлагаются несколько предварительных гипотез, объясняющих сходство в развитии банков в регионе.

Ключевые слова: центральные банки, история денежного обращения, доктрина реальных векселей, Россия, Скандинавия, Пруссия.

Введение

Страны Балтийского моря представляют особый интерес для изучения ранних практик центральных банков, потому что государственные банки, выпускавшие банкноты, появились в этом регионе относительно рано, и их операции достигли значительного масштаба по меркам своего времени. Например, хорошо известно, что первым банком в Европе, начавшим выпуск банкнот, был шведский Стокгольмский банк (Stockholm Banco). Интересным фактом является также то, что в первые десятилетия XIX в., общая стоимость банкнот в обращении российского Государственного ассигнационного банка превышала стоимость банкнот Банка Англии, даже если оценивать ее не по номиналу, а по текущему обменному курсу.

* Таркка Юха (Tarkka Juha) — доктор социальных наук (Банк Финляндии); перевод с английского — С.А. Саломатина (кандидат исторических наук, Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова).

Более того, изучение ранних центральных банков в Северной Европе интересно, потому что позволяет выявить удивительно общие черты развития. Структура и принципы операций ранних эмиссионных банков в североευропейском регионе демонстрируют настолько заметное сходство, что можно говорить об особом североευропейском типе протоцентрального банка. Эта модель заметно отличалась от классической модели центрального банка, которая стала основной линией развития финансовой истории². Особая североευропейская модель, как правило, сохранялась в странах Балтийского моря вплоть до второй половины XIX в., пока не была постепенно вытеснена классической моделью.

Особые черты североευропейских протоцентральных банков (этим термином можно обозначить ранние эмиссионные банки) становятся понятны в сравнении с классической моделью центрального банка, которая постепенно в течение XIX в. стала доминирующей в мире в целом (однако в США только после 1913 г.).

Классическая модель центрального банка основана на идеях двух теоретических направлений: банковской школы (доктрина реальных векселей) и денежной школы. В XIX в. Банк Англии и Банк Франции считались образцами классической модели, достойными прямого заимствования для построения системы денежно-кредитных институтов в большинстве менее развитых стран того времени. Их влияние как моделей было особенно сильным во второй половине XIX в., когда целый ряд стран реформировали свои денежно-кредитные системы в связи с подготовкой к введению золотого стандарта.

Тем не менее, история центральных банков не начинается с учреждения институтов классического типа. Задолго до того, как классическая модель стала доминирующей, в Европе действовали несколько эмиссионных банков разного типа. Зачастую в основе их операций лежали другие, доклассические практики и идеи банковского дела. Протоцентральные банки в странах Балтийского моря являются одним из таких примеров.

В данной статье рассматривается ранняя история развития центральных банков в регионе от начального периода до того момента, как они стали полноценными центральными банками в классическом понимании. Термин «протоцентральный банк» используется здесь, чтобы подчеркнуть, что двухуровневая банковская система во главе с центральным банком еще не сформировалась в полной мере в изучаемый период.

В данном исследовании сначала анализируются экономические теории той эпохи, повлиявшие на выбор моделей банков. На этом фоне явно видна разница между чертами центрального банка в клас-

сической и североευропейской моделях. Затем вниманию читателя предлагается обзор истории протоцентральных банков в странах Балтийского моря, после чего рассматривается дальнейшая история развития этих банков, постепенно приведшая к отказу от модели раннего североευропейского центрального банка и переходу к принципам классического центрального банка.

Доктрины банковского дела

Специфические черты североευропейской модели центрального банка лучше всего понятны на контрасте с двумя классическими нормами банковского дела: во-первых, доктрины реальных векселей банковской школы (real bills doctrine) и, во-вторых, принципом денежной школы (currency principle). Доктрина реальных векселей превосходно сформулирована Адамом Смитом в «Богатстве народов» в 1776 г. В самом общем виде эта доктрина заключается в том, что банкам следует предоставлять только краткосрочный коммерческий (торговый) кредит, и этот кредит должен быть «самоликвидирующимся» по своей природе. Доктрина реальных векселей оказала очень большое влияние на историю денежного обращения и кредита, так как являлась общепризнанным идеалом здорового банковского дела почти весь XIX в. и вплоть до изменений, связанных с Великой депрессией и другими процессами XX в.

Доктрина реальных векселей

Классическое изложение доктрины реальных векселей, как уже сказано, приводится в «Богатстве народов» Адама Смита (1776 г.). Смит, который часто считается основоположником доктрины, является автором общеизвестной цитаты по этому поводу³. Этот знаменитый фрагмент из «Богатства народов» стоит привести полностью:

Когда банк учитывает купцу реальный вексель, трассированный действительным кредитором на действительного должника и с наступлением срока действительно оплачиваемый последним, он только ссужает ему часть стоимости, которую ему в противном случае пришлось бы держать у себя без употребления и в виде наличных денег для покрытия текущих платежей. Оплата векселя, когда наступает его срок, возмещает банку стоимость, которую он ссудил, вместе с процентами на нее. Кассы банка, поскольку его операции ограничиваются такого рода клиентами, могут быть сравнены с бассейном,

откуда постоянно вытекает одна струя, а другая притекает, принося столько же воды, сколько уносит первая, так что без особых забот и усилий вода в бассейне всегда остается на том же или почти на том же уровне. Такому банку не приходится производить никаких расходов или нести очень малые издержки для пополнения своих касс⁴.

Термин «реальные векселя» относится к определенному типу кредитного инструмента, т.е. к векселям, возникшим в результате кредитования реальной сделки по продаже товара. В этом случае промышленник продавал товар оптовому торговцу, или оптовик розничному торговцу, или, возможно, промышленник покупал сырье. Так же очень важна была практика использования векселей во внешней торговле.

Реальный вексель выписывается (трассируется) продавцом товара, и после того, как покупатель подписывает его (акцептует), он представляет собой обещание покупателя заплатить определенное количество денег в определенный срок, обычно через несколько месяцев. Однако, как правило, продавец может получить свои деньги до указанной даты, если продаст (учтет) вексель в банке, который в этом случае станет конечным кредитором и получит деньги в назначенный срок. С точки зрения банка, надежность векселя повышается тем, что оба, трассант и акцептор, несут ответственность за платеж по векселю перед банком. По мнению Смита и других сторонников доктрины реальных векселей, портфель активов эффективно управляемого банка должен состоять полностью или, как минимум, преимущественно из таких учтенных реальных векселей.

Причина, по которой Смит и его последователи рассматривали вексель как наиболее подходящую форму кредита, с которой стоит иметь дело банкам, заключалась в том, что вексель, с их точки зрения, был «самоликвидирующимся» инструментом. Это значит, что в результате той самой реальной торговой сделки, лежащей в основе вексельного кредита, с большой вероятностью появятся денежные средства, которые должник сможет уплатить в срок по векселю.

Высокая ликвидность такого вексельного портфеля дает возможность банку, выпускающему банкноты, гибко управлять активами в изменяющихся рыночных условиях. Например, если по какой-то причине уменьшится спрос на банкноты, и они будут представлены к оплате в банк, то банк может продать часть активов, чтобы получить средства для оплаты банкнот, и ликвидность кредитного портфеля позволит ему это сделать. Таким образом, инвестиционная политика, сосредоточенная на таких «самоликвидирующихся» требованиях, как краткосрочные реальные векселя, была бы целесообразна по двум причинам: во-первых, векселя, купленные (учтенные) банком,

были бы краткосрочными, а потому денежные средства обращались бы за год несколько раз и, во-вторых, «реальность» бизнеса, или коммерческих операций, должников сама по себе порождает поток личности, необходимый им для оплаты своих долгов банку.

Другой аргумент в пользу доктрины реальных векселей был макроэкономическим. Адам Смит и многие другие последователи доктрины утверждали, что, если банкноты были бы покрыты только реальными векселями, то это удерживало бы их количество в соответствии с «правильным» спросом на деньги в торгово-промышленном секторе. По мнению Смита, это было важно, потому что чрезмерный выпуск банкнот может вызвать проблемы с ликвидностью у банков, если банкноты, ненужные в обращении, вернуться в банк и будут представлены к оплате.

Для более полного понимания, почему появилась доктрина реальных векселей, и что Смит имел в виду, необходимо учитывать исторический контекст. Смит не теоретизировал в вакууме, наоборот, его формулировка доктрины реальных векселей была реакцией на события того времени и некоторую предшествующую литературу по банковскому делу. Целью Смита была полемика с другими, менее ограничительными теориями банковского дела. Он подкреплял свои аргументы историческими примерами, прежде всего из Шотландии, где банковское дело и банкнотное обращение было особенно высоко развито уже в XVIII в., и где были опробованы разные модели банков.

В частности, теория реальных векселей Адама Смита может рассматриваться как попытка опровергнуть принципы банковского дела, защищаемые его современником меркантилистом сэром Джеймсом Стюартом. Хотя Смит прямо не упоминает Стюарта в «Богатстве народов», в его переписке есть высказывание, что желание доказать несостоятельность «ложных принципов» Стюарта было одной из целей создания «Богатства народов»⁵. Именно контраст между идеями Смита и Стюарта очень ярко освещает предмет нашего исследования.

Земельные банки против реальных векселей

Что это были за «ложные принципы», которые Смит взялся опровергать? Основная работа Стюарта «Исследование о принципах политической экономии» была написана в 1767 г., т.е. почти за 10 лет до «Богатства народов». Эта книга охватывает много вопросов и банковское дело — это один из них, где мнение Стюарта резко расходится с точкой зрения Смита. Стюарт защищает идею учреж-

дения эмиссионных банков, основанных на кредите под залог земли. Монетизируя таким образом низколиквидное недвижимое имущество, эти банки смогли бы трансформировать его в более ликвидную форму, т.е. «расплавить», как утверждал Стюарт⁶.

Стюарт разделял банковский кредит на три категории: «частный» (под залог имущества, движимого или недвижимого), «меркантильный» (под залог обязательств купцов или промышленников) и «государственный» (основанный на доверии к суверенному государству). В отличие от того, что позже предложит Смит, Стюарт рассматривал меркантильный кредит, включавший торговые векселя, как наиболее необеспеченный из всех, основанный на «мнении и спекуляции». Например, «банкротство одного из крупных купцов может создать шок меркантильного кредита по всей Европе». Вместо этого Стюарт выступал со всей убежденностью за более осязаемое реальное покрытие для банкнот — фактически за залог земли⁷.

В отличие от Адама Смита, сэр Джеймс Стюарт рассматривал ликвидность залога как второстепенное соображение для рационального кредитора: «Люди, владеющие огромной земельной собственностью могут в некоторых случаях обращаться за кредитом в виде наличных денег. Есть ли причина ставить под сомнение их кредитоспособность?» Он рассматривал кредит под залог недвижимого имущества как предпочтительное покрытие для банкнот, потому что это может придать банковским учреждениям больше безопасности и устойчивости⁸.

Стюарт утверждал, что в странах, где торговля и промышленность в зачаточном состоянии, в особенности «следует учреждать банк на принципах частного кредита. Этот банк должен выпускать банкноты под залог земли и других ценностей, и прибыль банка должна возникать из процентов, долговременно взимаемых с заложенных земель». Он продолжал: «Именно такие по своей природе банки Шотландии. Эта страна полностью обязана им своим благоустройством»⁹. Стюарт имел в виду два крупных банка Шотландии, выпускавших банкноты: Банк Шотландии (Bank of Scotland) и его конкурент Королевский банк Шотландии (Royal Bank of Scotland), которые специализировались на ссудах под разные залого, но не на учете векселей¹⁰.

Стюарт был не первым, кто рекомендовал монетизацию земли. Вопрос о земельных банках и о банкнотах, покрытых недвижимостью, был очень актуален в XVIII в., начиная с сочинения Джона Ло «Рассуждения о деньгах и торговле» (1705 г.), где он впервые предложил «расплавить» земельную собственность, чтобы облегчить повсеместную, по его мнению, нехватку денег. Ло позже пытался применить свою теорию во Франции, правда с катастрофическими

последствиями, когда его Королевский банк (Banque Royale) обанкротился в 1720 г., и его банкноты обесценились¹¹.

Среди ведущих авторитетов того времени идею Стюарта о предпочтительном покрытии банкнот реальным имуществом также разделял, например, влиятельный немецкий камералист Иоганн Генрих Готлиб фон Юсти, который считал, что система Ло потерпела крах не потому, что лежавшие в ее основе идеи были в корне ошибочными, а из-за недостатка осторожности. Юсти одобрял использование бумажных денег, но подчеркивал важность поддержания доверия к их реальной стоимости¹². В своей работе 1770 г. «Grundfeste» Юсти писал, что «банк с полным покрытием является огромным благом для государства», но в то же время, по его мнению, только должным образом обеспеченная недвижимость является достаточно надежным залогом¹³.

Смит упоминает Джона Ло в «Богатстве народов» как предостерегающий пример, но аргументы Смита в защиту реальных векселей основаны главным образом на истории краха шотландского «Эр Бэнк» (Ayr Bank) в 1772 г., который случился через несколько лет после публикации книги Стюарта. «Эр Бэнк» был недолговечной банковской компанией, которая какое-то время доминировала в банкнотном обращении всей Шотландии. Как пишет Смит, она ссужала под любое «сколько-нибудь разумное обеспечение», и даже предоставляла в полном объеме необходимый капитал, подлежащий «вложению в такие предприятия, в которых возврат его поступает наиболее медленно и спустя продолжительное время, как, например, в предприятия сельскохозяйственные». Что касается учета векселей, то Смит пишет, что «Эр Бэнк» не делал различий между «реальными» и «фиктивными» векселями, учитывая одинаково и те, и другие. Другими словами, деятельность «Эр Бэнк» была в прямом противоречии с доктриной реальных векселей Смита. В итоге этот банк обанкротился, и Смит делает вывод, что страна потерпела значительный убыток от его операций¹⁴.

Смиту также было известно об отвергнутом проекте земельного банка в Англии в конце XVII в., конкурировавшим с проектом банка, основанного на операции учета векселей, т.е. с проектом Банка Англии, который стал развиваться в соответствии с доктриной реальных векселей¹⁵.

Впоследствии вокруг содержания и значения доктрины реальных векселей возобладала большая путаница. Иногда ее рассматривали как ошибочную антитезу количественной теории денег¹⁶. Такая неверная интерпретация происходила в результате приравнивания доктрины реальных векселей к «антибульонистскому» подходу в знаменитой полемике по поводу денежно-кредитной политики в пе-

риод конвертируемого фунта стерлингов в Англии в 1797—1821 гг. Антибульонисты были уверены (ошибочно), что следование доктрине реальных векселей могло само по себе защитить от инфляции. Этого никогда не утверждал ни Смит, ни практические последователи доктрины реальных векселей в XIX в. Для них доктрина реальных векселей всегда была способом защитить ликвидность банков, выпускающих банкноты, рассматриваемая как дополнение к золотому (или серебряному) стандарту, который обеспечивает стабильность стоимости денег.

Принцип денежной школы (currency principle)

Другой принципиальной частью классической доктрины центрального банка (в дополнение к доктрине реальных векселей) является принцип денежной школы, сформулированный в ходе выходящейся полемики по поводу денежно-кредитной политики в Англии в первой половине XIX в. в трудах Давида Рикардо и Сэмюэла Джонса Лойда, лорда Оверстона. В соответствии с принципом денежной школы, банкноты, полностью обеспеченные золотом или серебром, должны имитировать все свойства металлического обращения, но при этом быть более удобными и сокращать транзакционные издержки.

Принцип денежной школы уходит корнями в правила операций старых общественных обменных банков (так называемых жиро-банков, или переводных банков), т.е. великих муниципальных банков Амстердама и Гамбурга, основанных еще в первом десятилетии XVII в. Эти банки не выпускали банкнот, однако управляли системой безналичных платежей между счетами своих вкладчиков и поддерживали — или, во всяком случае, старались поддерживать — 100% серебряное покрытие своих обязательств, чтобы они не стали причиной изменения количества денег в экономике.

Очевидное преимущество принципа денежной школы заключается в гарантировании конвертируемости обязательств банка в ценный металл и, таким образом, в уверенности в стабильности стоимости денег (в современной банковской теории похожее преимущество есть у так называемых валютных советов (currency boards)). Очевидная дилемма, как сочетать этот принцип с любой кредитной деятельностью, будь то в виде долгосрочного кредитования под залог земли в североευропейской модели протоцентрального банка или в форме учета векселей в классической модели центрального банка. Решение этой проблемы обычно заключается в принципах организа-

ции банка, и история Гамбургского банка (Hamburger Bank) является в этом смысле показательным примером.

Гамбургский банк был разделен на два отдела: Разменный банк (wechsel-bank) и Ссудный банк (Lehn-bank). С одной стороны, Разменный банк поддерживал систему расчетов между депозитными счетами клиентов, конвертируемыми в серебро. С другой стороны, Ссудный банк выдавал краткосрочные ссуды под залог ценных металлов (а также время от времени кредитовал власти города)¹⁷.

Бросается в глаза, как эта структура из двух отделов похожа на принципы организации Банка Англии, утвержденные Банковским актом Роберта Пиля 1844 г.¹⁸, но для цели настоящего обзора важно отметить, что, как будет показано далее, похожая структура двух отделов в разных формах была характерна для протоцентральных банков стран Балтийского моря еще задолго до того, как она была введена в Англии.

Страны Балтийского моря

Несмотря на политические и культурные различия страны Северной Европы вокруг Балтийского моря составляли особый регион в торговом и финансовом аспектах, поэтому финансовая история этих стран имела много общих черт до Первой мировой войны. Эти страны объединяла торговля по Балтийскому морю, в которой они являлись периферией ведущих мировых торговых центров. Исторически эта модель уходит во времена Ганзейского союза. В XVIII—XIX вв. экономическую цельность региона поддерживало последовательное доминирование в его торговле и финансах Амстердама, Гамбурга и Лондона.

В период протоцентральных банков, примерно с 1760-х гг. и до принятия золотого стандарта, финансовый и торговый регион Балтийского моря включал Данию, Швецию, Пруссию, Россию (территории прибалтийских губерний — Лифляндской, Курляндской и Эстляндской), а также Финляндию и Польшу, которые были в тот период были не независимыми государствами, а частями Российской империи со своими собственными финансовыми институтами и историей. К этой группе также нужно отнести Норвегию, хотя она не имеет Балтийского побережья. В изучаемый период Норвегия была связана политическим союзом сначала с Данией, а позже со Швецией, и эти политические связи отразились на ее денежном и банковском развитии.

Включение Российской империи в число стран Балтийского моря необходимо не только потому, что ее северо-западная часть на-

прямою к нему относится, но и потому, что ее торговые и финансовые связи, а также развитие денежно-кредитных институтов, явно указывают, что в этих аспектах это была одна из стран Балтийского моря. Столица империи — Санкт-Петербург, где появились первые российские денежно-кредитные учреждения, находится на Балтийском побережье, что, возможно, предопределило многие характеристики финансовой системы страны.

Конечно, экономическая и финансовая структура Балтийского региона в течение интересующего нас периода не может быть понята без учета развития ведущих финансовых центров: во-первых, Амстердама (в XVIII в.), затем Гамбурга (в первой половине XIX в.), и в самом конце периода — Лондона.

Экономика региона была преимущественно сельскохозяйственной. За исключением крупного торгового центра Гамбурга, города региона жили главным образом за счет экспортной торговли сельскохозяйственной продукцией, такой, как зерно (из Пруссии, Польши, Прибалтийских губерний России); строевой лес и другие продукты лесного хозяйства, такие, как деготь и вар (из Швеции, Норвегии, Финляндии и России); железо и медь (из Швеции и России); рыба (из Дании и Норвегии); лен и пенька (из России, Польши, Пруссии). Крупнейшим покупателем была Великобритания. Импорт в порты Балтийского моря состоял из соли, промышленных товаров, предметов роскоши, вина и некоторых тропических продуктов¹⁹.

Денежные системы

До 1870-х гг. денежные системы в регионе были основаны на серебряном стандарте, по крайней мере, в теории (на самом деле здесь были долгие периоды, когда обесцененные и неконвертируемые бумажные деньги преобладали в странах региона, как это будет подробно рассмотрено ниже)²⁰.

Основы денежных систем региона восходят к германскому серебряному рейхсталеру (*reichsthaler*), или имперскому талеру, который начал чеканиться в государствах Священной Римской империи в XVI в. Первоначально 9 рейхсталеров должны были чеканиться из одной кельнской марки чистого серебра, поэтому один рейхсталер содержал 25,98 г чистого серебра. Эта стандартная монета стала рассматриваться как полноценный рейхсталер (*специес-рейхсталер, reichsthaler specie*), чтобы отличать его от многочисленных облегченных вариантов, которые позже появились как в Германии, так и в других странах Северной Европы²¹.

Хотя денежные системы в Балтийском регионе были похожи друг на друга, потому что они были основаны на серебре, и их корни вели к рейхсталеру, все же было значительное разнообразие в используемых денежных единицах. Далее следует краткий обзор на эту тему.

Город-государство **Гамбург** имел серебряный стандарт, основанный на рейхсталере, разделенном на 3 марки или 48 шиллингов. Для международной торговли и финансов, наиболее важный вид денег был создан знаменитым муниципальным жиробанком — Гамбургским банком; хранящиеся в нем депозиты обменивались на серебро по курсу, который подразумевал 25,28 г за банк-рейхсталер (reichsthaler banco); треть от банк-рейхсталера называлась банк-маркой (mark banco). Серебряный паритет был выбран так, чтобы денежная единица Гамбургского банка соответствовала специес-ригсдалеру, или спесие-ригсдалеру (rigsdalersspecie) — серебряной монете, чеканившейся в **Королевстве Дания** и использовавшейся для международной торговли ив качестве счетной единицы при заключении финансовых контрактов²².

Здесь нужно отметить, что как в Дании, так и в Гамбурге господствовали довольно запутанные двойные системы денежных единиц²³. Металлические деньги в основном использовались в международной торговле. Деньги, используемые в обычном денежном обращении, появившиеся в 1720-е гг., определялись термином, указывающим на их меньшую ценность — «курант-монеты». Курант-рейхсталер и его разменные монеты содержали примерно на 18% меньше серебра, чем специес-рейхсталер.

Норвегия была под датским правлением до 1814 г., и ее денежная система базировалась на датском спесие-ригсдалере. Этот стандарт был сохранен, когда Норвегия отделилась от Дании и политически объединилась со Швецией в 1814 г. в результате Наполеоновских войн²⁴.

После денежной реформы, проведенной в 1776 г., **Швеция** также получила серебряный стандарт, основанный на рейхсталере. Таким образом, шведская версия этой монеты, названная «риксдалер» и содержащая 25,7 г чистого серебра, была очень близка к датскому спесие-ригсдалеру и гамбургскому банк-рейхсталеру. Как в Гамбурге, в Швеции риксдалер также был разделен на 48 шиллингов.

Стабильность шведского риксдалера после реформы 1776 г. была недолгой. Из-за последовавшей войны шведские бумажные деньги вскоре были выпущены в чрезмерном объеме и стали неконвертируемыми в период 1789—1803 гг. и затем опять после 1809 г., обесценившись по сравнению с серебряными монетами до незначительной доли своей номинальной стоимости. Стоимость бумажных денег стабилизировалась, и обмен был восстановлен только в 1834 г.

В 1855 г. в обращение в Швеции была введена более мелкая денежная единица, основанная на серебре, называвшаяся «риксдалер риксмиунт» (riksdaler riksmunt), которая имел $\frac{1}{4}$ серебряного содержания специес-риксдалера (riksdaler specie).

Шведская, датская и норвежская денежные системы поддерживали национальные варианты рейхсталера вплоть до момента, как эти страны приняли золотой стандарт в начале 1870-х гг. и сформировали Скандинавский валютный союз²⁵.

Пруссия имела серебряный стандарт, основанный на прусском талере, который был значительно девальвированной версией классического рейхсталера. С 1750 г. 14 прусских талеров чеканились из одной кельнской марки чистого серебра (это назвалось Грауманской монетной стопой). В современных терминах это означало, что серебряное содержание прусского талера составляло 16,7 г чистого серебра²⁶.

Позже, когда процесс объединения Германии набрал обороты, прусский серебряный стандарт был принят Дрезденской монетной конвенцией 1838 г. как основа денежной унификации в рамках Германского таможенного союза²⁷. Тем не менее, Гамбург сохранил свою старую денежную систему. Эта особая денежная система Гамбурга, как и прусский серебряный талер, была заменена немецкой маркой, когда Германия приняла золотой стандарт в 1873 г.²⁸

Денежной единицей **России** был серебряный рубль, который также может рассматриваться как потомок рейхсталера. Петр Великий определил рубль на основе ввозимых в страну иностранных монет типа рейхсталера, которые имели хождение в России в то время. После нескольких этапов девальвации (уменьшения веса и пробы) в первые десятилетия XVIII в. серебряное содержание рубля оставалось почти постоянным же весь XVIII в.²⁹ Однако стабильность серебряного рубля не распространялась на бумажный рубль, который страдал от длительных периодов неконвертируемости и обесценения, о чем речь пойдет далее.

Денежная система Российской империи не была всегда полностью унифицированной. На территориях Прибалтийских губерний (**Ливония** (Лифляндия), а также **Курляндия**, позже Лифляндская и Курляндская губернии), которые вошли в состав Российской империи с 1710 г., денежный стандарт был основан на рейхсталер-альбертус (reichsthaler Albertus). Это была торговая монета, чеканившаяся первоначально в Испанских Нидерландах и содержавшая около 24,4 г чистого серебра. (Голландцы, которые чеканили подобную монету для использования в Балтийской торговле, называли ее серебряным дукатом.) В Ливонской системе один рейхсталер-альбертус был разделен на 90 грошей. Однако ливонский грош был расчетной

единицей, т.е. который на самом деле не чеканился. Вместо этого разнообразные иностранные монеты использовались как мелкие деньги, оцениваемые по текущим курсам³⁰.

Особая денежная система Ливонии имела важное значение из-за статуса Риги как крупного экспортного порта Российской империи. Однако торговля в этом регионе была сильно подорвана Наполеоновскими войнами и Континентальной блокадой. Система албертгусталера прекратила существование вскоре после этих событий, когда российское правительство предприняло меры по унификации денежной системы Лифляндской губернии с Россией. В 1810 г. рубль был введен здесь как законное средство обращения, и в 1814 г. албертгусталер и другие иностранные платежные средства были запрещены³¹.

Польша тоже была страной, аннексированной Российской империей, которая сохранила свою традиционную денежную систему, по крайней мере, в начале. Традиционной польской денежной единицей был серебряный злотый (также называемый Польским гульденом), делившийся на 30 грошей. В конце XVIII в. злотый был определен так, чтобы быть сопоставимым с прусской системой, поэтому 6 злотых равнялись 1 прусскому талеру³². После образования Царства Польского в 1815 г. в составе Российской империи на Венском конгрессе серебряное содержание золота было немного изменено, теперь под российский серебряный рубль, поэтому 20 злотых стали равняться 3 рублям.

Внутренняя автономия Царства Польского была сильно сокращена после Польского восстания 1830 г.; польская монета начала чеканиться с двойной надписью в рублях и в злотых (этот шаг был облегчен относительно простым соотношением между двумя денежными единицами). В итоге, в 1841 г., когда Россия восстановила обмен своих бумажных рублей на серебро, злотый был отменен как денежная единица, и на Польшу была распространена российская денежная система³³.

Финляндия, которая прежде была частью Швеции, была аннексирована Российской империей в 1809 г. после войны со Швецией. В результате было образовано автономное Великое княжество Финляндское, для которого российский император дал обещание сохранить в силе старую (первоначально шведскую) конституцию, законы и привилегии. Формально в княжестве была введена российская денежная система, основанная на серебряном рубле, однако на самом деле шведские бумажные деньги, номинированные в риксдалерах, продолжали господствовать в обращении в Финляндии до 1840 г., когда Финляндский банк (Банк Финляндии) окончательно унифицировал денежную систему в стране, заменив шведские банкноты своими собственными банкнотами, номинированными в рублях.

Позже, в 1860 г., Финляндия получила свою собственную денежную систему, марку, которая затем была определена как $\frac{1}{4}$ серебряного рубля (и таким образом совпала с серебряным содержанием французского франка)³⁴. Сначала бумажные марки не обменивались на серебро и обращались по курсу $\frac{1}{4}$ кредитного рубля до начала их конвертируемости в 1865 г.

Хотя серебряный стандарт составлял общую основу денежных систем в странах региона, реальное состояние денежного обращения там было гораздо менее упорядоченным. Причиной тому были войны. К началу XIX в. большинство стран *de facto* были на бумажном стандарте, когда банкноты не обменивались на серебро. В России и Дании, и какое-то время в Швеции, банкноты были неконвертируемые уже задолго до Наполеоновских войн.

Во время войн с Наполеоном стоимость бумажных денег снизилась по отношению к серебряным деньгам в странах региона в разной степени. Однако вскоре после того, как долгий период войн закончился в 1815 г., страны смогли более-менее стабилизировать стоимость своих бумажных денег. В большинстве случаев эта стабильность была достигнута на уровне значительно ниже серебряного паритета. Исключением стала Пруссия, где бумажные деньги, или казначейский билеты (*Tresorscheine*) вернулись к серебряному паритету уже в 1816 г. и стали обмениваться на серебро в 1818 г.³⁵

В других странах возврат к возобновлению обмена на серебро был достигнут позже и по мере возможностей, однако все страны шли в этом направлении друг за другом: Швеция возобновила конвертацию в 1834 г., Финляндия в 1840 г., Россия в 1843 г., Норвегия в 1842 г. и Дания в 1845 г. Конвертируемость рубля в России опять была прекращена после начала Крымской войны и восстановлена только, когда Россия присоединилась к золотому стандарту 30 лет спустя.

Развитие банков

В данном разделе анализируется, как вышеупомянутые банковские доктрины повлияли на развитие протоцентральных банков в странах Балтийского моря.

В XVIII в. и в первом десятилетии XIX в. здесь наблюдалось заметное сильное влияние концепции земельных банков. Это явление можно считать естественным из-за низкого уровня экономического развития этих стран, которые были преимущественно аграрными. Земельные банки обслуживали кредитные потребности крупных землевладельцев, которые были наиболее влиятельной социальной

группой в тот период, пока не усилились в течение XIX в. торгово-промышленные слои.

Другая интересная черта ранних банков в регионе заключалась в том, что, во всяком случае формально, эмиссия банкнот и предоставление ссуд часто были разделены на два разных отдела или учреждения, как того требовал принцип денежной школы. Однако на практике деятельность этих отделов, или банков, была тесно переплетена и дополнительная надежность, якобы достигаемая в этом случае путем разделения банковских функций на эмиссионный отдел, или банк, и ссудный отдел, или банк, кажется сомнительной.

В этом разделе последовательно анализируется процесс становления протоцентральных банков в странах региона, а затем рассматривается вопрос, как ранняя североевропейская модель была окончательно отвергнута.

Известно, что первые банкноты в Европе были выпущены в **Швеции** в 1660-х гг. частным учреждением Стокгольмским банком (Stockholms Banco), основанным в 1656 г. Тем не менее, банк вскоре обанкротился, и ликвидацией его занимался Риксдаг (шведский парламент), который основал Банк Швеции в 1668 г. После первых неудачных экспериментов с банкнотами, банк не торопился возобновлять свою эмиссионную деятельность вплоть до 1740-х гг., после чего бумажное обращение начало расти в больших масштабах³⁶.

Организационная структура Банка Швеции была похожа на Гамбургский банк тем, что была разделена на два самостоятельных отдела: разменный банк (wäxel-banco) и ссудный (låne-banco). Разменный банк принимал средства на расчетные текущие счета клиентов и выпускал банкноты. Ссудный банк принимал обычные вклады и предоставлял ссуды под различные залого.

Несмотря на похожую организацию, правила операций в Банке Швеции были намного менее ограничительными, чем в Гамбургском банке³⁷. Банку Швеции было разрешено кредитовать под залог различного имущества, такого, как драгоценные металлы, экспортные товары и недвижимость. До начала 1800-х гг. ссуды под залог недвижимости были безусловно доминирующим видом кредита частному сектору. Однако ссуды короне и королевским предприятиям часто превосходили по размеру частные ссуды³⁸.

В начале XIX в. Банк Швеции начал увеличивать краткосрочное частное кредитование. Это было сделано косвенно, через так называемые учетные конторы, которые специализировались на краткосрочном торговом кредите. Поначалу эти учреждения были независимы, у них были частные акционеры, и Банк Швеции финансировал их лишь частично. Ситуация изменилась после банкротства частных учетных кон-

тор в 1815 г. Банк Швеции продолжил их деятельность за свой счет, учредив систему полунезависимых учетных контор под своим контролем и находящихся в его полной собственности. Эти конторы не считались частью банка и вели операции под отдельным управлением³⁹.

В первой половине XIX в. операции Банка Швеции продолжались в довольно старомодном стиле. Долгосрочное ипотечное кредитование сохранялось в большом масштабе до 1860-х гг. Кратко- и среднесрочные торговые ссуды составляли растущую долю совокупных активов банка, но они предоставлялись не самим банком, а его автономными учетными конторами, которые слились с Банком Швеции только в 1860-е гг. Учет векселей, практикуемый в скромном масштабе с конца 1830-х гг., был напрямую разрешен банку только в 1845 г., и до 1850-х гг. он оставался незначительным видом деятельности. Можно сделать вывод, что примерно до середины XIX в. Банк Швеции все еще показывал явные черты модели старого земельного банка⁴⁰.

Россия. Первые российские банкноты, или ассигнации, были выпущены в 1768 г. Их популярность, так же, как и успех шведских банкнот того времени, вероятно, может объясняться тем, что большинство металлических денег в обращении было из меди, которая из-за большого веса была неудобна для крупных платежей⁴¹.

Развитие российских практик протоцентрального банка вышло на новый уровень в 1786 г., когда были основаны два важных института — Государственный ассигнационный банк и Государственный заемный банк. В соответствии с Высочайшим Манифестом об их учреждении, эти банки должны были действовать как единое целое, таким образом, взятые в месте, они представляли собой типичный североευропейский центральный банк, который выпускал банкноты, предоставлял долгосрочные займы под залог земли и кредитовал правительство в крупном объеме⁴².

После 1786 г. количество банкнот, выпущенных Ассигнационным банком, резко увеличилось, особенно в периоды войн, от конвертируемости ассигнаций на металл пришлось отказаться, их стоимость упала. Незадолго до вторжения Наполеона в Россию ассигнации были объявлены законным платежным средством, обязательным к приему для всех расчетов и контрактов в стране, однако вместо номинальной стоимости ассигнации должны были приниматься по курсу, устанавливаемому на Санкт-Петербургской бирже. Таким образом, серебряный рубль оставался официальной расчетной единицей и основой денежной системы⁴³.

Количество ассигнаций достигло пика в период Наполеоновского вторжения в Россию. Однако их стоимость находилась тогда на

самом низком уровне: ассигнационный рубль котировался на Санкт-Петербургской бирже на уровне только 20% от стоимости серебряного рубля. Несмотря на снижение стоимости, общая масса ассигнаций в обращении все равно превышала массу банкнот Банка Англии того времени: если в 1815 г. банкнот Банка Англии было 26 млн фунтов⁴⁴, то ассигнации российского Государственного ассигнационного банка, пересчитанные по данным Л. Зелинского в фунты стерлингов по текущему курсу, составляли 36 млн фунтов⁴⁵.

Кредитная деятельность Государственного заемного банка была в широком смысле типична для сельскохозяйственного земельного банка. Он предоставлял 20-летние займы помещному дворянству под залог их земель, однако российская особенность заключалась в том, что земля в качестве залога оценивалась по числу приписанных к ней крепостных. Для финансирования своей деятельности Заемный банк принимал бессрочные вклады, сумма которых значительно выросла, особенно в 1850-е гг., а также получал средства от других учреждений государственной банковской системы (Ассигнационный банк, Коммерческий банк, о котором речь пойдет дальше).

Российское правительство также попыталось развить краткосрочное кредитование торговли. В 1797 г. был издан особый устав для учетных контор при Ассигнационном банке, учреждаемых в крупнейших российских портах для кредитования купцов, но деятельность этих учреждений оказалась относительно незначительной. Объем коммерческого кредита начал расти только после 1817 г., когда учетные конторы были преобразованы в Государственный коммерческий банк. Этот институт принимал вклады, учитывал векселя и предоставлял краткосрочные займы под залог товаров. Однако объем кредита, предоставляемого Коммерческим банком, оставался очень небольшим по сравнению с долгосрочными земельными кредитами Заемного банка; фактически Коммерческий банк переводил большую часть своих вкладов в Заемный банк для использования на нужды ипотечного кредитования. Фактически, государственные банковские учреждения в России в тот период не были реально отделены друг от друга, образуя единую систему⁴⁶.

Организация российской банковской системы в ранний период демонстрирует все основные черты, характерные для североευропейской модели: государственная собственность и контроль, акцент на долгосрочном ипотечном кредите, финансируемом эмиссией банкнот (и приемом краткосрочных депозитов), а также структура, в которой эмиссионная и кредитная функции были формально, но только формально, разделены между разными учреждениями. Примеры России и Швеции удивительно похожи еще и в том, что в обо-

их случаях государственная банковская система имеет еще и третий компонент: агентства для краткосрочного кредитования торговли, формально отделенные от эмиссионного банка. В Швеции это было организовано в виде учетных контор, а в России — в форме Государственного коммерческого банка. Однако в обоих случаях даже эта система операций краткосрочного кредита была финансово связана с эмиссионным и земельным банками.

Финляндия. Финляндский Банк (Банк Финляндии) был учрежден в 1811 г., после того, как этот регион был отторгнут у Швеции и, как уже отмечалось, аннексирован Россией, и здесь было образовано автономное Великое княжество Финляндское. Первоначально банк был подчинен финскому правительству (Императорский финляндский сенат), пока не был передан под контроль парламента (сословного сейма) в 1867 г., что соответствовало шведской системе.

Характерно, что банк был разделен на два отдела, называемых фондами, которые, тем не менее, находились под единым управлением. «Первоначальный фонд», составлявший собственный капитал и нераспределенные прибыли банка, должен был использоваться для долгосрочного кредитования под залог недвижимого имущества. Срок ссуд был 20 лет. Другой отдел, называемый «фондом мелких ассигнаций», финансировался за счет выпуска собственных банкнот банка. Кроме хранения части кассовых резервов этот фонд должен был использоваться для краткосрочного кредитования на срок от 6 месяцев до 1 года. Приоритетом здесь должны были быть ссуды промышленникам под залог их нераспроданных товарных запасов.

На самом деле долгосрочные займы под залог недвижимости составляли крупнейшую долю кредитов в банке до 1840-х гг., когда в результате денежной реформы обращение банкнот стало быстро расти и увеличившиеся таким образом ресурсы стали доступны для краткосрочного кредитования. Однако долгосрочная ипотека оставалась крупнейшей статьей актива в балансе банка до 1850-х гг. Даже после этого наибольшая часть возраставшей суммы краткосрочных кредитов была под залог материальных ценностей, т.е. товаров. Векселя не упоминались в первом уставе, и банк не занимался учетом до 1842 г. Вексельный (учетный) бизнес банка оставался ограниченным в размере даже в следующем десятилетии. Учет векселей становится основной формой кредита в Финляндском банке только в 1870-е гг.⁴⁷

Польша. Польский банк был основан в 1828 г. как часть финансовой реконструкции территорий, вошедших в состав Царства Польского, созданного на Венском конгрессе в 1815 г., во главе с российским императором как царем Польским. Польский банк был с самого

начала тесно связан с другим важным, финансируемым правительством банковским учреждением — Земским кредитным обществом⁴⁸, основанным в 1825 г. Это была ипотечная ассоциация крупных землевладельцев, фактически объединенный гарантийный фонд, который был организован в соответствии с более ранними прусскими образцами⁴⁹. При учреждении Польского банка как национального эмиссионного банка половина его капитала в 20 млн злотых была выплачена в форме ипотечных облигаций Земского кредитного общества, «выпущенных под залог национального богатства»⁵⁰.

В задачи Польского банка входило управление долгом Царства Польского другим странам и иностранным подданным, а также поддержка «расширения кредита, торговли и национальной промышленности». Банк мог выпускать банкноты, обмениваемые на серебро, в пределах стоимости своего капитала. По уставу, Польский банк мог принимать средства на текущие счета и в срочные вклады, а также предоставлять кредиты. Он мог кредитовать под залог ипотечных облигаций, или закладных листов (выпущенных Земским кредитным обществом), государственных ценных бумаг или под залог материальных ценностей (таких, как сельскохозяйственные продукты, промышленные товары и другое имущество). Банк также мог учитывать векселя. На практике учет оставался очень малой статьёй его баланса до 1860-х гг., по крайней мере, если судить по скудным балансовым данным, опубликованным Г. Радзишевским⁵¹.

В **Прибалтийских губерниях** главным финансовым центром была Рига (Лифляндская губерния). В качестве учреждения краткосрочного кредита здесь была в 1794 г. основана Рижская учетная касса, которая действовала под эгидой и под гарантиями Рижской Большой гильдии, или гильдии Святой Марии (купеческого общества Риги). В 1819 г. Учетная касса приобрела некоторые черты эмиссионного банка, начав выпускать банкноты. Эти банкноты были крупного номинала и использовались главным образом в оптовой торговле Риги, так как они были нужны, чтобы решить проблему дефицита платежных средств в купеческой среде.

Рижская учетная касса имела право выпускать банкноты в двойном размере от собственного капитала. Банкноты выпускались под залог краткосрочных депозитов разных ценных бумаг, таких, как закладные листы Лифляндского дворянского земельного кредитного общества, учрежденного в 1802 г. Это было ипотечное учреждение прусского типа, выпускавшее долгосрочные ипотечные облигации (закладные листы), гарантированные земельными владениями прибалтийского дворянства. В принципе, это можно рассматривать как элемент модели земельного банка в эмиссии банкнот Рижской учет-

ной кассы. Однако на практике количество банкнот Рижской учетной кассы в обращении было очень незначительным⁵².

Дания имела очень бурную банковскую историю в интересующий нас период. Копенгагенский ассигнационный, вексельный и земный банк (Den K benhavnnske Assignations-, Veksel- og Laanebank), называемый также «Курантбанк», был основан в 1736 г., чтобы поддержать торговлю в городе. Банк получил исключительное право выпуска банкнот (ассигнаций), номинированных в датском курант-ригсдалере (отсюда и название банка).

По уставу, банк мог кредитовать под широкий список залогов, включая товары. Кредитование было в принципе ограничено краткосрочными операциями, сроком менее 6 месяцев. Однако большинство ограничений, первоначально наложенных на кредитную операцию банка, постепенно перестали приниматься во внимание. Ссуды часто переписывались на новый срок, поэтому они стали фактически долгосрочными, и выдавались под залог недвижимого имущества, иногда даже вообще без залога. В 1757 г. банкноты банка стали неконвертируемыми, что позволило более свободно увеличивать кредитование. Неконвертируемые банкноты сохранялись в Дании следующие 90 лет⁵³.

После британской атаки на Копенгаген в 1807 г. Дания вступила в войну на стороне Франции. В военный период объем банкнот в обращение быстро увеличивался, и их стоимость начала падать. К декабрю 1810 г. банкноты составляли только 22% от их серебряного номинала. В 1812–1813 гг. стоимость банкнот упала еще больше, и в 1813 г. Курантбанк был окончательно закрыт, началась широкомасштабная денежная и банковская реформа, была введена новая денежная единица, ригсбанкдалер (rigsbankdaler, талер государственного банка).

Для выпуска и управления новой валютой было основано временное учреждение — Ригсбанк (Государственный банк). Меры, примененные тогда, относились к числу чрезвычайных. По декрету, Ригсбанк получил первичную (приоритетную) закладную на 6% годовых со всей недвижимой собственности в Дании, которые владельцы должны были выплатить серебром. До тех пор, пока закладные оставались в Ригсбанке, собственники должны были платить по ним 6,5% годовых. Таким образом, Ригсбанк являлся экстраординарной структурой: это был не только эмиссионный банк, основанный на земельном кредите, но и обеспечение для его банкнот было получено в форме принудительного налогообложения⁵⁴.

Ригсбанк был всего лишь временным институтом, и в 1818 г. был основан новый эмиссионный банк, Национальный банк Дании (Danmarks Nationalbank, первоначально называвшийся Nationalban-

ken i Kjøbenhavn). Банк был организован в соответствии с принципами классической модели. Это была частная акционерная компания с королевским чартером. Несмотря на свои привилегированные позиции, включая монопольное право выпуска банкнот, Национальный банк Дании был частной компанией, законодательно отделенной от правительства.

Хотя организационные принципы и юридический статус Национального банка Дании явно соответствовали классической теории, экономические обстоятельства подразумевали, что реальная банковская политика могла измениться только постепенно. В качестве первоначальных активов и источников дохода, Национальный банк получил принудительные ипотечные закладные своего предшественника. Несмотря на теорию реальных векселей, лежащих в основе модели этого банка, было ясно, что с унаследованной от Ригсбанка земельной структурой активов потребуется время на переход к классической модели, особенно с учетом того, что банк должен был проводить дефляционную денежно-кредитную политику, чтобы стабилизировать стоимость банкнот. В результате, до середины 1830-х гг., большинство ресурсов банка использовалось для изъятия необходимого количества банкнот из обращения, чтобы постепенно поднять их стоимость до серебряного паритета, что удалось сделать к 1835 г. Конечно, это препятствие для расширения кредитования продлило жизнь земельной структуре активов банка. Тем не менее, когда датский ригсдалер окончательно стал обмениваться на серебро (1845 г.), по новому законодательству только 1/6 часть покрытия банкнот могла состоять из ссуд под залог недвижимости. Это знаменовало явный отказ от традиции земельного банка⁵⁵.

Норвежская банковская история имеет общие корни с датской. Норвежский банк (Norges Bank) был основан в 1816 г., вскоре после отделения Норвегии от Дании. Первоначально предполагалось, что 25% имеющихся в наличии средств банка будут использованы на учет векселей, но этой цели достичь не удалось. Вместо этого ссуды под залог недвижимости были безусловно преобладающей формой кредита в Норвежском банке с самого начала, в первые десятилетия своей деятельности он даже был одним из крупнейших земельных эмиссионных банков в Северной Европе.

Например, в 1830 г., почти все банковское кредитование было под залог недвижимости, и в начале 1840-х гг., — все еще 84%. В оправдание этого заявлялось, что земельное кредитование является более надежным по сравнению с вексельным — старый меркантилистский аргумент, уже знакомый нам по трудам сэра Джеймса Стюарта. Более того, Норвежский банк вынужден был проводить строгую дефляци-

онную денежно-кредитную политику, пока конвертируемость банкнот на серебро не была окончательно достигнута в 1842 г. До этого момента из-за такой ограничительной политики было трудно расширить кредитную деятельность банка на новые сферы. Даже после этого на векселя приходилась меньшая доля активности банка, и в конце 1850-х гг., когда ускорились темпы роста операции учета векселей, кредитование было все еще сосредоточено главным образом на долгосрочной ипотеке. Вексельный портфель Норвежского банка превысил размер ипотечного портфеля впервые только в 1862 г.⁵⁶

Пруссия. Прусская история протоцентральных банковских практик начинается в 1760-х гг. после Семилетней войны. Прусская банковская история следует модели земельного банка не в полной мере по сравнению с другими странами Балтийского региона, хотя дворяне-землевладельцы, или юнкеры, составляли значительную силу в прусских землях.

Возможное объяснение особого пути, по которому пошло прусское развитие, связано с тем, что дефицит платежных средств для землевладельцев преодолевался с помощью другого типа финансовых институтов — кооперативных ипотечных кредитных ассоциаций, или кредитных союзов, называемых «Landschaften». Это были обязательные для всех дворян-землевладельцев ассоциации, учрежденные каждой провинции, члены которых взаимно гарантировали ипотечные долги друг друга (эти долги обращались на рынке в форме ипотечных облигаций). Первый Landschaft был учрежден в провинции Силезия (1769 г.), в 1780-х гг. получили свои Landschaften провинции Померания, Западная Пруссия и Восточная Пруссия. Landschaften можно рассматривать в качестве альтернативы идее эмиссионного земельного банка. Ипотечные облигации, выпущены под гарантии Landschaften, были так популярны, что приравнивались к бумажным деньгам, часть из них даже обменивалась на серебряную монету⁵⁷.

История настоящих эмиссионных банков в Пруссии началась с Королевского банка (Königliche Bank), который был основан в 1765 г. в Берлине⁵⁸. Как много других североευропейских протоцентральных банков, Королевский банк был разделен на два отдела: Разменный банк (Жиробанк) и Заемный банк. В задачи Жиробанка входил прием денег на текущие счета и выпуск банкнот, обмениваемых на металлическую монету, однако Жиробанк оказался не очень успешным, и объем выпущенных им банкнот оставался очень небольшим⁵⁹.

Заемный отдел Королевского банка был более значительным. Он, в свою очередь, был разделен на 2 отдела: учетный и ломбардный. Учетный отдел должен был учитывать краткосрочные векселя сроком до 2 месяцев, а ломбардный отдел должен был предоставлять

кредит под залог, который в соответствии с уставом 1766 г. мог состоять только из золота, серебра или драгоценностей. Таким образом было явно выражено намерение проводить строгую, нацеленную на поддержание ликвидности банковскую политику, стоящую далеко в стороне от идеи земельного банка. В то же время по причине скромного успеха Жиробанка деятельность Заемного банка приходилось финансировать за счет процентных вкладов⁶⁰.

Несмотря на довольно жесткие требования к залому в первоначальном уставе, Королевский банк вскоре добавил к этим операциям фактически долгосрочное кредитование правительства, а после 1794 г. — кредитование под залог недвижимости. Большая доля кредитования Королевского банка велась под залог сельскохозяйственной земли в Южной Пруссии, т.е. в той части Польши, которая была аннексирована Пруссией в 1793 и 1795 гг. Инвестиции банка в польскую ипотеку и связанный с этим бум на рынке недвижимости на захваченных территориях продолжался почти десять лет⁶¹. Однако поражение Пруссии в 1806 г. в войне с Наполеоном стало причиной финансового кризиса и оказалось фатальным для Королевского банка. Банк был вынужден прекратить платежи и фактически бездействовать с 1806 по 1817 г. Даже после этого значительная часть его активов находилась в процессе медленной ликвидации⁶².

После Наполеоновских войн обращение бумажных денег в Пруссии происходило главным образом в форме казначейских билетов, и Королевский банк был не активен как эмиссионный банк. Его операции были незначительными в пределах процентных вкладов как основного источника средств. Однако он выпускал некоторое количество банкнот крупного номинала (Kassenscheine, или депозитные сертификаты) в 1820-е гг. и до 1834 г., когда обращение бумажных денег в Пруссии было унифицировано и полностью перешло в ведение казначейства⁶³.

Выпуск банкнот возобновился в Пруссии только в 1847 г., когда Королевский банк был преобразован в новый институт — Прусский банк (Preussische Bank). Это уже было учреждение, следующее доктрине реальных векселей, т.е. сосредоточенное только на краткосрочном кредите, и во все большей степени в форме учета векселей⁶⁴.

Переход к политике реальных векселей

Примерно в середине XIX в. все страны региона уже находились в процессе перехода к новой финансовой системе. Эта тенденция заключалась в изменении модели финансовой системы от протоцентральных земельных банков к классическому центральному бан-

ку на основе доктрины реальных векселей. Все страны двигались в одном и том же направлении, не смотря на значительную разницу в скорости и временных границах этих изменений. Этот процесс начался уже в 1840-е гг. и завершился, когда Россия присоединилась к золотому стандарту в 1890-е гг.

Первой страной региона, завершившей этот переход, стала **Пруссия**, где Королевский банк был преобразован в Прусский банк по указу 1846 г. Реформа была предпринята потому, что предложение денег, которое в Пруссии в тот период было представлено банкнотами, выпускавшимися казначейством, считалось слишком негибким. Поэтому было решено вернуться к более традиционной системе предложения денег, когда банкноты выпускаются центральным банком. По уставу, целью Прусского банка было способствовать денежному обращению, обеспечивать доступность капитала, поддерживать торговлю и промышленность и предотвращать чрезмерный рост процентной ставки.

Д. Зиглер отметил, что устав Прусского банка был составлен так, чтобы предложение денег больше отвечало спросу на деньги и кредит, и что его составители в некоторой степени следовали рекомендациям английской банковской школы⁶⁵. На самом деле новая система во многих отношениях была похожа на Банк Франции. Металлические (серебряные) деньги и векселя были теперь выбраны в качестве покрытия для банкнот, на практике векселя также стали преобладающей формой кредита, предоставляемого Прусским банком с самого начала операций⁶⁶. Стоит также отметить, что в Пруссии казначейские билеты (государственные бумажные деньги, которые назывались *Kassenanweisungen*) продолжали циркулировать в некоторой степени параллельно банкнотам⁶⁷.

Прусский банк позже стал ядром Государственного банка Германской империи, Рейхсбанка, который был основан после объединения Германии. Новый банк действовал в соответствии с золотым стандартом и в новой валюте, немецкой марке, которая заменила прусский талер. Как свой предшественник, Рейхсбанк был основан строго на доктрине реальных векселей, и учет векселей являлся в нем основной формой кредитования. Некоторое количество краткосрочных «ломбардных» ссуд банк предоставлял под залог таких ценных бумаг, как облигации и проч.

Одним из банковских учреждений, поглощенных Рейхсбанком в 1875 г., стал старый Гамбургский банк. Этот банк испытывал серьезные трудности в период глубокого кризиса 1857 г., когда большое число гамбургских банкирских домов вынуждено было приостановить платежи, и сам Гамбургский банк был под огнем критики из-за

неспособности облегчить кризис ликвидности. После этого, по мнению Г. Сивекинга, призывы к банковской реформе в Гамбурге уже невозможно было сдерживать. Ощущение, что применение принципа денежной школы является слишком негибким в Гамбурге, стало повсеместным; точно так же, как этот принцип оказался бесполезен в Англии во время крупнейших банковских кризисов в XIX в.⁶⁸

В **Дании** переход к политике реальных векселей был завершен примерно в то же самое время, что и в Пруссии. Как было указано выше, Национальный банк Дании был устроен в соответствии с доктриной реальных векселей с самого начала, в 1818 г. Очевидно, что целью был центральный банк английского или французского типа. Более того, Национальный банк Дании был основан как частная компания по образцу Банка Англии и Банка Франции.

Однако, как также было сказано выше, оказалось, что ситуация в экономике не созрела ни для политики реальных векселей, ни для незамедлительного введения конвертируемости банкнот на серебро. Последовал долгий переходный период, в течение которого Национальный банк Дании следовал ограничительной денежной политике до тех пор, пока стоимость банкнот не поднялась до паритета с серебром, и большинство ипотечных ссуд не были выплачены. Эта цель была достигнута только примерно к 1835 г. После изменения законодательных основ деятельности банка в 1845 г. Национальный банк Дании, можно сказать, действовал в соответствии с линией классического центрального банка. Однако этот переход не был абсолютным. Даже после того, как Дания присоединилась к золотому стандарту в 1875 г., Национальный банк все еще имел больше ипотечных облигаций, чем векселей в своем портфеле⁶⁹.

В **Норвегии** специализированный земельный банк был основан в 1855 г., и это облегчило переориентацию Норвежского банка в своей кредитной политике с ипотеки на учет векселей. Мировой кризис 1847 г. продемонстрировал, что структура активов Норвежского банка, в то время еще в значительной степени состоящая из земельных ссуд, не очень подходит для эмиссионного банка, т.к. она была слишком негибкой и не давала возможности банку использовать учетную ставку как инструмент регулирования потоков капитала и количества банкнот в обращении, а также это делало очень уязвимым банк с точки зрения ликвидности. Однако парламент успешно сопротивлялся сокращению ипотечного кредитования⁷⁰. Из-за этого политического сопротивления переход к «чистой» политике реальных векселей так и не состоялся, хотя Норвегия перешла к золотому стандарту в 1875 г. Даже при явном преобладании учета векселей в кредитном портфеле Норвежского банка в период золотого стандар-

та, значительная часть его активов продолжала вкладываться в долгосрочные ипотечные ссуды⁷¹.

В **Швеции** переход от протоцентральных банковских практик к классической модели центрального банка был также постепенным и занял долгий период времени. В течение 1860-х гг. баланс Банка Швеции был постепенно очищен от ссуд под недвижимость, которые тогда уже не были так важны в количественном отношении. Одновременно все возрастало значение краткосрочных ссуд, предоставляемых через автономные учетные конторы Банка Швеции. В 1864 г. самому банку было разрешено учитывать векселя, и бывшие учетные конторы были поглощены банком. До 1874 г. новый учетный отдел оставался под отдельным от остального банка управлением.

В самом общем виде можно сказать, что в Швеции переход к практикам классической модели центрального банка был завершен почти одновременно с принятием золотого стандарта в 1873 г. Однако доля векселей в портфеле банка росла лишь постепенно, так что они не составляли крупнейшей доли активов до 1880-х гг.⁷² Здесь следует отметить, что в течение нескольких десятилетий в Швеции частным банкам также позволялось выпускать банкноты в обращение. Частные банкноты, которые обменивались на металлические монеты или на банкноты Банка Швеции, были разрешены в 1834 г. и занимали значительную долю рынка примерно с 1840 г., достигнув 60% максимума в 1870-е гг. Частные банкноты были отменены в 1903 г.⁷³

В **России** старая банковская система столкнулась с непреодолимыми трудностями вскоре после тяжелого мирового финансового кризиса в 1857 г. В ноябре 1857 г. обменный курс бумажного рубля упал, и следующей весной начался отток депозитов из государственных банков. Ситуация была критической, что следует из факта, что в течение только 1859 г. депозиты в государственных банках уменьшились на две трети. Ситуацию еще более усложнило, что этот банковский кризис случился в то самое время, когда правительство готовило большую земельную реформу, связанную с отменой крепостного права⁷⁴.

В 1860 г. был основан новый центральный банк — Государственный банк Российской империи. Этот банк был учрежден на основе старого Государственного коммерческого банка и к нему перешли большинство активов и пассивов Государственного заемного банка и Экспедиции государственных кредитных билетов (к которой ранее, в 1843 г. перешла эмиссионная функция от упраздненного старого Государственного ассигнационного банка)⁷⁵.

По крайне мере в теории, новый российский центральный банк был организован в соответствии с классическими принципами док-

трины реальных векселей. В особенности структура кредита частному сектору позволяет судить о том, что банк полностью изменился. Земельный кредит больше не разрешался. Вместо этого банк мог предоставлять кредит частному сектору в форме учета векселей сроком менее 6 месяцев. Он также мог предоставлять краткосрочный кредит под залог ценных металлов или государственных ценных бумаг, частных облигаций, а также акций, гарантированных правительством. Однако типично в стиле ранней североευропейской модели банк мог кредитовать под залог экспортных и импортных товаров, т.е. товарных накладных, или документов на товары⁷⁶.

Переход от кредитов под залог сельскохозяйственной земли к краткосрочному коммерческому, или торговому, кредиту знаменует радикальное изменение в организации предложения денег по сравнению с предшествующими государственными банковскими учреждениями, в которых 90% кредитов частному сектору были сельскохозяйственной ипотекой⁷⁷. С другой стороны, стоит отметить, что в течение десятилетий после реформы правительство, а не частный сектор, оставалось главным должником Госбанка. Это явно снижало экономическое значение изменений, произошедших в кредитной доктрине. В первые десятилетия своей деятельности Государственный банк Российской империи был сильно зависим от казначейства (Департамент государственного казначейства при Министерстве финансов), что, конечно, было связано с его ролью в финансировании государственного долга⁷⁸.

Зависимость нового Государственного банка от казны со всей очевидностью подчеркивает тот факт, что в тот период российские банкноты формально оставались обязательствами казначейства, и Госбанк просто выкупал и обменивал их за его счет. Сумма этих банкнот сверх их металлического покрытия просто вносилась в баланс банка как задолженность казначейства. Эта практика продолжалась до реформы золотого стандарта в России в эпоху министра финансов графа С.Ю. Витте в 1890-х гг.⁷⁹

Переход к политике реальных векселей и независимому центральному банку в России был связан с усилиями российского правительства в продвижении к золотому стандарту. Векселя начали доминировать в портфеле активов Государственного банка в конце 1880-х гг. Под руководством С.Ю. Витте обменный курс рубля по отношению к валютам золотого стандарта был стабилизирован в начале 1890-х гг., и в 1897 г. была достигнута полная конвертируемость рубля на золото. Другой задачей, с которой нужно было справиться, оставалась необходимость сокращения непокрытого долга правительства Государственному банку. Эта проблема была успешно решена к концу века. Однако стоит отметить, что важной особенностью

финансовой системы России в начале XX в. были очень большие золотые резервы центрального банка относительно банкнот в обращении. Эта особенность, конечно, снижает экономическое значение кредитной доктрины — реальных векселей или любой другой⁸⁰.

В **Польше** переход к классическому центральному банку произошел параллельно процессу интеграции Польского банка в банковскую систему Российской империи. Это началось вскоре после Январского восстания 1863 г. Кредитные практики банка также изменились, так как банк переориентировался в своей деятельности на учет векселей. Это можно интерпретировать как первый шаг в направлении принципов доктрины реальных векселей вместе с общероссийской банковской реформой⁸¹. Тогда же начался процесс унификации польской финансовой системы с российской. В 1870-е гг. контроль над Польским банком был передан российскому министру финансов, и банк лишился права на выпуск банкнот. Ликвидация дел старого Польского банка проходила с 1885 г., и в 1894 г. он был поглощен Государственным банком Российской империи⁸².

В **Лифляндской губернии** (Ливонии) единственным региональным общественным институтом, немного похожим на эмиссионный банк, была вышеупомянутая Рижская учетная касса. Ее эмиссионная функция была скромной, и после российской банковской реформы 1860-х гг. это учреждение также было реформировано и модернизировано, в соответствии с новой реальностью. Банкноты перестали выпускаться, и Рижская учетная касса была в 1873 г. преобразована в подчиненный городской думе коммерческий банк под названием Рижский городской учетный банк (Rigaer Stadt-Diskontobank)⁸³.

Если в Польше национальный эмиссионный банк был постепенно интегрирован в банковскую систему Российской империи, развитие **Финляндии** пошло в другом направлении. Несмотря на то, что Финляндия была частью Российской империи, переход к классической модели центрального банка произошел здесь на национальной основе. Медленное развитие Финляндского банка, который в начале был довольно примитивным протоцентральный банком, в направлении классических операционных принципов началось в 1840 г., когда банку был разрешен учет векселей⁸⁴. До этого момента, долгосрочный сельскохозяйственный кредит под закладные был преобладающей формой кредитования в банке.

Доля коммерческого, или торгового, кредита в активах Финляндского банка начала расти вскоре после окончания Крымской войны в 1856 г. Перелом произошел в 1859 г.⁸⁵ Однако большая часть торгового кредита продолжала предоставляться в старомодной манере под залог товаров, т.е. документов на экспортируемые товары. Век-

сель стал явно доминирующей формой кредита в Финляндском банке совсем поздно, фактически только после 1878 г., когда Финляндия присоединилась к золотому стандарту⁸⁶.

Заключение

Практики протоцентральных банков в странах Балтийского моря демонстрировали поразительное сходство в столетний период перед переходом к золотому стандарту. Существующий здесь североευропейский тип протоцентрального банка очевидно может быть определен через высокую степень доверия реальному залoгу (особенно земле, а также товарам). Одновременно векселя, которые были предпочтительной формой кредитования в классической модели центрального банка, были полностью здесь исключены или имели малое значение в качестве покрытия для банкнот. Североευропейская модель подчеркивает предполагаемую солидность своего залoга, приравниваемую к его вещественности, осязаемости, тогда как доктрина реальных векселей, используемая в классической модели, примером которой являлись Банк Англии и Банк Франции, уделяла основное внимание ликвидности залoга.

Вторая характерная черта североευропейской модели заключается в институциональном разделении банковских функций по разным отделам, фондам или даже тесно друг с другом связанным отдельным банкам. Первоначально это было сделано главным образом для того, чтобы поддержать уверенность в том, что бумажные деньги не будут выпущены в избыточном объеме, и их стоимость будет подвергнута риску. Возможно в этом смысле повлияли примеры обменных банков, таких, как Амстердамский банк и Гамбургский банк.

Третья характерная черта североευропейских протоцентральных банков заключается в типично государственной (общественной) форме собственности и контроля за банковскими институтами (в противоположность формально частной корпорации с чартером (документом на право ведения операций) от правительства, которая была идеалом классической модели центрального банка в Англии и Франции).

Особенности североευропейской модели центрального банка уходят корнями в экономическую структуру региона: в его потребности, в преобладающие виды имущества, которое могло использоваться в качестве банковского залoга. Эти особенности также отражают интересы доминирующих властных групп и социальных слоев в странах региона.

В любом случае, явное сходство черт развития протоцентральных банков в эпоху, предшествовавшую золотому стандарту, предполага-

ет, что на развитие финансовых институтов здесь оказывали мощное влияние как экономическая и социальная структура этих стран, так и статус региона как финансовой периферии. Эта мысль, конечно, не отрицает силы идей и интеллектуальных влияний. Возможно сельскохозяйственная периферия вокруг Балтийского моря в конце XVIII в. и в начале XIX в. была особенно плодородной почвой для идеи земельных банков и бумажных денег, обеспеченных земельным кредитом.

Довольно трудно указать со всей определенностью единственную причину, предопределившую переход от протоцентральных банков к классическим центральным банкам в регионе Балтийского моря. В самом широком смысле, этот переход был осуществлен во второй половине XIX в., быстрее всех двигалась Германия, медленнее и более постепенно менялись Скандинавские страны, трансформация в Российской империи еще более отставала из-за задержки реформ, связанных с переходом к золотому стандарту, вплоть до последнего десятилетия XIX в.

Почему эти изменения произошло повсеместно? Есть несколько альтернативных объяснений. Старая модель рухнула со всей впечатляющей очевидностью только в России, где финансовые проблемы, созданные Крымской войной (и финансовыми эксцессами железнодорожного бума после нее, которые нет возможности обсуждать здесь подробно), возможно, стали непосредственной причиной краха. В то же время, российская система ипотечного кредита, которая лежала в основе старой банковской системы, не имела перспектив в своей традиционной форме, потому что она была связана с институтом крепостничества.

Есть несколько возможных причин, которые могли стать поводом ко всеобщему переходу к классической, основанной на вексельном кредите, модели центрального банка во всем регионе. Я предлагаю три основные версии, которые в некоторой степени тесно переплетены друг с другом.

Во-первых, экономическое развитие изменило структуру экономики региона. Индустриализация, улучшение коммуникаций и рост экспортной торговли увеличили предложение векселей в объеме, пригодном для покрытия выпуска банкнот. В результате переход к классической модели стал возможным. В то же самое время политическое влияние промышленников и купцов увеличилось за счет политического влияния землевладельцев. Это могло стать стимулом к переходу от поддержки земельных интересов к увеличению привлекательности политики реальных векселей.

Во-вторых, в области экономической теории произошло становление идеологии экономического либерализма, из-за чего правительства стали разделять менее интервенционистский и менее

ограничительный подход к финансовой политике. Последовавший подъем частного банковского сектора (и, таким образом, переход к двухуровневой банковской системе) перевел протоцентральные банки и их кредитные практики, основанные на земельном кредите, в разряд старомодных и более-менее излишних.

В-третьих, в области финансов распространение золотого стандарта и рост финансового потенциала таких центров, как Лондон и Париж, ведущих центров международного золотого стандарта, сделало естественным желание адаптироваться к финансовой организации этих центров. Страны Северной Европы явно хотели улучшить свою кредитоспособность, чтобы более гибко заимствовать на международном рынке капитала для различных целей, в частности, для железнодорожного строительства. Финансовая интеграция второй половины XIX в. является важным потенциальным объяснением институционального развития в странах, находящихся на периферии мировой финансовой системы.

Какой бы ни была главная причина, тем не менее ясно, что идея эмиссионного банка, основанного на долгосрочном земельном кредите, к середине XIX в. считалась устаревшей. К концу века доктрина реальных векселей стала общепризнанной теорией, в соответствии с которой должны быть организованы эмиссионные банки, и она оставалась такой, по крайней мере, до Великой депрессии.

В заключение, остается в силе важный вопрос: был ли переход от протоцентрального банка к классическому центральному банку чисто пассивным результатом «реального» экономического развития, или этот переход оказал самостоятельное, прогрессивное влияние на рыбок в экономическом росте, индустриализации и финансовой стабильности в экономиках стран Балтийского моря? Это очень интересная проблема экономической истории, определенно заслуживающая более тщательного изучения.

Библиография

- Adam U. *The Political Economy of J.H.G. Justi*. Bern: Peter Land, 2006. P. 189–194.
- Anderson G., Tollison R. Sir James Steuart as the Apotheosis of Mercantilism and His Relation to Adam Smith // *Southern Economic Journal*. Vol. 51. 1984. № 2. P. 456–468.
- Bank of England Liabilities and Assets, 1696 Onwards // *Bank of England Quarterly Bulletin*. Vol. 7. 1967. № 2. P. 159–163.
- Brisman S. *Den stora reformperioden, 1860–1904* // *Sveriges Riksbank, 1668–1924: Bankens tillkomst och verksamhet*. Vol. IV. Stockholm: Norstedt, 1931.
- Brisman S. *Sveriges affärsbanker*. Stockholm: Grundläggningstiden, 1924.
- Brisman S. *Sveriges Riksbank, 1668–1918: Bankens tillkomst och verksamhet*. Vol. I. Stockholm: Norstedt, 1918.

- Brisman S. Tiden 1803–1834 // Sveriges Riksbank, 1668–1924: Bankens tillkomst och verksamhet. Vol. IV. Stockholm: Norstedt, 1931.
- Buchholtz A. Geschichte der Juden in Riga. Riga: Kümmel, 1899.
- Checkland S.G. Scottish Banking. A History 1695–1973. Glasgow: Collins, 1975. P. 258–260.
- Conant C. A History of Modern Banks of Issue. New York: Putnam, 1915.
- Davidson D. Riksbanken, 1834–1860 // Sveriges Riksbank, 1668–1924: Bankens tillkomst och verksamhet. Vol. IV. Stockholm: Norstedt, 1931.
- Frederiksen D. Mortgage Banking in Germany // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 9. 1894. № 1. October. P. 47–76.
- Goodhart C. A. E. The evolution of central banks. Cambridge: MIT Press, 1988.
- Heckscher E. De svenska penning-, vikt- och mättsystemen. En historisk översikt. Stockholm: Norstedt, 1941.
- Heckscher E. The Bank of Sweden in its Connection with the Bank of Amsterdam // *History of the Principal Public Banks* / Ed. by J. van Dillen. The Hague: Martinus Nijhoff, 1934 (Reprint: London: Frank Cass, 1964).
- Heller K. Die Geld- und Kreditpolitik des Russischen Reiches in der Zeit der Assignaten (1768–1839/43). Wiesbaden: Franz Steiner, 1983.
- Hoch S. The Banking Crisis, Peasant Reform, and Economic Development in Russia, 1857–1861 // *The American Historical Review*. Vol. 96. 1991. № 3. June. P. 795–820.
- Horsefield K. The Origins of the Bank Charter Act, 1844 // *Economica*. New Series. Vol. 11. № 44. 1944. November. P. 180–189.
- Jasiukowicz S. Der landschaftliche Kreditverein im Königreich Polen, 1825–1910. München: Wolff, 1911.
- Justi J.H.G. von. Die Grundfeste zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten, oder ausführliche Vorstellung der gesamten Policy-Wissenschaft. Erster Band. Aalen: Scientia, 1965. P. 620–635.
- Kirby D., Hinkkanen M.-L. The Baltic and the North Seas. London: Routledge, 2000.
- Klovland J. Monetary Aggregates in Norway, 1819–2003 // *Historical Monetary Statistics for Norway, 1819–2003* / O. Eitheim et al. Norges Bank Occasional Papers. № 35. 2004.
- Kruse J. Allgemeiner und besonders Hamburgischer Kontorist. Hamburg, 1782.
- Lakomaa E. Free Banking in Sweden, 1830–1903: Experience and Debate // *The Quarterly Journal of Austrian Economics* Vol. 10. 2007. № 2. P. 122–141.
- Mints L. A History of Banking Theory in Great Britain and the United States. Chicago: University of Chicago Press, 1945.
- Murphy A. John Law: Economic Theorist and Policy-Maker. Oxford: Clarendon, 1997.
- National Monetary Commission. Banking in Russia, Austro-Hungary, The Netherlands and Japan. Washington, Government Printing Office, 1911.
- Niebuhr von M. Geschichte der Königlichen Bank in Berlin. Berlin: Decker, 1854. (Reprint: Glashütten, 1971.)
- Oddy J.J. European Commerce. Vols. I–II. Philadelphia: Humphreys, 1807.
- Parker Willis H. Monetary Reform in Russia // *The Journal of Political Economy*. Vol. 5. 1897. № 3. June. P. 277–315.
- Pipping H. Kultakannanturvissa. SuomenPankki, 1878–1914. Helsinki, 1969.
- Pipping H. Myntreformenår 1865. Helsingfors, 1928.
- Pipping H. Paperiruplasta kultamarkkaan. SuomenPankki, 1811–1877. Helsinki, 1961.
- Poschinger von H. Bankwesen und Bankpolitik in Preussen I. Berlin: Springer, 1878.
- Poschinger von H. Bankwesen und Bankpolitik in Preussen II. Berlin: Springer, 1879.
- Radziszewski H. Bank Polski. Warszawa: Bank Polski, 1910.
- Richter E. Das preussische Staatsschuldenwesen und die preussischen Staatspapiere. Breslau: Maruschke & Behrend, 1869.
- Rittmann H. Deutsche Münz- und Geldgeschichte der Neuzeit bis 1914. Solingen: Brockhaus, 2003. S. 62–63.
- Rygg N. Norges Bank historie I. Oslo, 1918.

- Rygg N. Norges Banks historie II. Oslo, 1954.
- Sargent T. Macroeconomic Theory. New York, NY: Academic Press, 1979.
- Schön J. Das Polnische Bankwesen. Katowice: Kattowitzcher Buchdruckerei und Verlag, 1928.
- Schybergson E. Finlands Bank 1811—1911. Helsingfors, 1914.
- Shaw W. The History of Currency 1252 to 1894. London: Wilson & Milne, 1895. (Reprint: Boston: Elibron, 2005.) P. 378—383.
- Sievekings H. Die Hamburger Bank // History of the Principal Public Banks / Ed. by J. van Dillen. The Hague: Martinus Nijhoff, 1934 (Reprint: London: Frank Cass, 1964).
- Sievekings H. Die Hamburger Bank, 1619—1875. Hamburg: Festschrift von Melle, 1933.
- Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. New York, NY: Knopf, 1991.
- Soetbeer A. Beiträge und Materialien zur Beurtheilung von Geld- und Bankfragen. Hamburg: Voigt, 1855. P. 90—100.
- Steuart J. An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy. Edinburgh: Oliver and Boyd, 1966.
- Stieda von E. Das livländische Bankwesen in Vergangenheit und Gegenwart. Leipzig: Deichert, 1909.
- Svendsen K., Hansen K. Dansk pengehistorie 1700—1914. Kobenhavn: Danmarks Nationalbank, 1968.
- Tarkka J. The North European Model of Early Central Banking // Designing Central Banks / Ed. by D. Mayes, G. Wood. London: Routledge, 2009. P. 34—67.
- Tarkka J. The North European Model of Early Central Banking: Collateral Policy Before the Real Bills Doctrine // The Critical Function of History and Banking in Finance / Ed. by V. Ikonen, D. Ross. Frankfurt am Main: EABH, 2014. P. 139—152.
- Tarkka J., Kuusterä A. Bank of Finland 200 Years. Vol I. Imperial Cashier To Central Bank. Helsinki: Otava, 2011.
- Wandschneider K. Lending to Lemons. Landschaft Credit in Eighteenth-Century Prussia // Housing and Mortgage Markets in Historical Perspective / E. White et al. Chicago: University of Chicago Press, 2014. P. 305—326.
- Wilcke J. Kurantmønten, 1726—1788. Kobenhavn: Gad, 1927.
- Wójtowicz G., Wójtowicz A. Monetary History of Poland. Warszawa: Twigger, 2005.
- World Coins: Standard Catalog of World Coins 1801—1900. Iola: KP Books. 2004.
- Ziegler D. Zentralbankpolitische Steinzeit? Preussische Bank und Bank of England im Vergleich // Geschichte in Gesellschaft. Vol. 19. 1993. №. 4. S. 475—505.
- Zieliński L. Die Rubel jetzt und vor 100 Jahren. Jena: Fischer, 1898.
- Бугров А.В., Лебедев С.К. Динамика и структура операций, 1880-е — начало 1890-х гг. // История Банка России. 1860—2010. В 2 т. Т. 1. М., 2010. С. 211—229.
- Драган О.В. Устав 1894 г. и расширение операций банка // История Банка России. 1860—2010. В 2 т. Т. 1. М., 2010. С. 236—272.
- Левичева И.Н. Становление и развитие Государственного банка // Из истории государственной кредитной системы России. Вторая половина XVIII — начало XIX в. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2004.

Примечания

¹ Эта статья с существенными дополнениями, исправлениями и новыми интерпретациями основана на некоторых более ранних работах автора, см.: Tarkka J. The North European Model of Early Central Banking // Designing Central Banks. / Ed. by D. Mayes, G. Wood. London: Routledge, 2009. P. 34—67; Tarkka J. The North European Model of Early Central Banking: Collateral Policy Before the Real Bills Doctrine // The Critical Function of History and Banking in Finance. / Ed. by V. Ikonen, D. Ross. Frankfurt am Main: EABH, 2014. P. 139—152.

² Напр., см.: Goodhart C. A. E. The evolution of central banks. Cambridge: MIT Press, 1988.

- ³ Mints L. A History of Banking Theory in Great Britain and the United States. Chicago: University of Chicago Press, 1945. P. 25.
- ⁴ Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. New York: Кнопф, 1991. P. 269. (Первое издание 1776 г.) Цит по: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов [пер. с англ.] М.: Эксмо, 2009. (Антология экономической мысли). С. 315 (*прим. перев.*).
- ⁵ Напр., см.: Anderson G., Tollison R. Sir James Steuart as the Apotheosis of Mercantilism and His Relation to Adam Smith // Southern Economic Journal. Vol. 51. 1984. № 2. P. 456–468.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ Steuart J. An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy. Edinburgh: Oliver and Boyd, 1966. P. 471–475. (Первое издание 1767 г.)
- ⁸ Ibid. P. 481.
- ⁹ Ibid. P. 476–477.
- ¹⁰ Checkland S.G. Scottish Banking. A History 1695–1973. Glasgow: Collins, 1975. P. 258–260.
- ¹¹ Murphy A. John Law: Economic Theorist and Policy-Maker. Oxford: Clarendon, 1997.
- ¹² Adam U. The Political Economy of J.H.G. Justi. Bern: Peter Land, 2006. P. 189–194.
- ¹³ Justi J.H.G. von. Die Grundfeste zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten oder ausführliche Vorstellung der gesamten Policy-Wissenschaft [Основы могущества и благосостояния государств, или Подробное изложение всеобщей политической науки]. Erster Band. Aalen: Scientia, 1965. P. 620–635. (Первое издание 1760 г.)
- ¹⁴ Smith A. Op. cit. P. 281–282. Цит по: Смит А. Указ. соч. С. 324 (*прим. перев.*); Checkland S.G. Op. cit. P. 124–131, 260–270.
- ¹⁵ Murphy A. Op. cit. P. 50–51.
- ¹⁶ Sargent T. Macroeconomic Theory. New York: Academic Press, 1979. P. 92.
- ¹⁷ Soetbeer A. Beiträge und Materialien zur Beurtheilung von Geld- und BankFragen. Hamburg: Voigt, 1855. S. 90–100.
- ¹⁸ Horsefield K. The Origins of the Bank Charter Act, 1844 // *Economica*. New Series. Vol. 11. No. 44. 1944. November. P. 180–189.
- ¹⁹ Oddy J.J. European Commerce. Vols. I–II. Philadelphia: Humphreys, 1807; Kirby D., Hinkkanen M.-L. The Baltic and the North Seas. London: Routledge, 2000. Chapter 7.
- ²⁰ Золотые монеты чеканились во многих странах задолго до золотого стандарта, но их влияние на денежные системы стран Балтийского моря было или незначительным или вообще отсутствовало, поэтому денежные системы региона можно без сомнения определять как основанные на серебре до 1870-х гг.
- ²¹ О происхождении талера и развитии денежных систем Германии см.: Rittmann H. Deutsche Münz- und Geldgeschichte der Neuzeit bis 1914. Solingen: Brockhaus, 2003. S. 62–63.
- ²² Sieveking H. Die Hamburger Bank // *History of the Principal Public Banks* / Ed. by J. van Dillen. The Hague: Martinus Nijhoff, 1934 (Reprint: London: Frank Cass, 1964). P. 149–150; Svendsen K., Hansen K. Dansk pengehistorie 1700–1914. Kobenhavn: Danmarks Nationalbank, 1968. S. 13–16.
- ²³ Аналогичная система действовала также в Любеке и в соседних герцогствах, Мекленбург-Шверин и Шлезвиг-Гольштейн, последнее из которых до 1860-х гг. принадлежало Датской короне.
- ²⁴ Rygg N. Norges Bank historie I. Oslo, 1918.
- ²⁵ Heckscher E. De svenska penning-, vikt- och måttssystemen. Enhistorisköversikt. Stockholm: Norstedt, 1941.
- ²⁶ Shaw W. The History of Currency 1252 to 1894. London: Wilson & Milne, 1895. (Reprint: Boston: Elibron, 2005.) P. 378–383.
- ²⁷ Позже, когда в 1857 г. была введена метрическая система, Грауманская монетная стопа, используемая в Германском таможенном союзе, была переопределена так, чтобы 30 талеров теперь должны были чеканиться из 500 г чистого серебра. Это было практически эквивалентно предыдущему соотношению.

- ²⁸ Rittmann H. Op. cit.
- ²⁹ Parker Willis H. Monetary Reform in Russia // The Journal of Political Economy. Vol. 5. 1897. No. 3. June. P. 277–315; Heller K. Die Geld- und Kreditpolitik des Russischen Reiches in der Zeit der Assignaten (1768–1839/43). Wiesbaden: Franz Steiner, 1983.
- ³⁰ Buchholtz A. Geschichte der Juden in Riga. Riga: Kümmel, 1899; Stieda von E. Das livländische Bankwesen in Vergangenheit und Gegenwart. Leipzig: Deichert, 1909.
- ³¹ Buchholtz A. Op. cit. P. 28.
- ³² Kruse J. Allgemeiner und besonders Hamburgischer Kontorist. Hamburg, 1782.
- ³³ World Coins: Standard Catalog of World Coins 1801–1900. Iola: KP Books. 2004; Wójtowicz G., Wójtowicz A. Monetary History of Poland. Warszawa: Twigger, 2005.
- ³⁴ См.: Pipping H. Myntreformen år 1865. Helsingfors, 1928.
- ³⁵ Richter E. Das preussische Staatsschuldenwesen und die preussischen Staatspapiere. Breslau: Maruschke & Behrend, 1869.
- ³⁶ Brisman S. Sveriges Riksbank, 1668–1918: Bankens tillkomst och verksamhet. Vol. I. Stockholm: Norstedt, 1918. В 1789–1803 гг. банкноты Банка Швеции конкурировали с бумажными деньгами, выпускавшимися шведским казначейством. Казначейские билеты преобладали в обращении, пока не были переданы на баланс Банка Швеции в 1803 г.
- ³⁷ Heckscher E. The Bank of Sweden in its Connection with the Bank of Amsterdam // History of the Principal Public Banks / Ed. by J. van Dillen. The Hague: Martinus Nijhoff, 1934 (Reprint: London: Frank Cass, 1964).
- ³⁸ Brisman S. Sveriges Riksbank 1668–1918: Bankens tillkomst och verksamhet. Vol. I. S. 10–13.
- ³⁹ Brisman S. Sveriges affärsbanker. Stockholm: Grundläggningstiden, 1924. S. 17–60.
- ⁴⁰ Davidson D. Riksbanken, 1834–1860 // Sveriges Riksbank, 1668–1924: Bankens tillkomst och verksamhet. Vol. IV. Stockholm: Norstedt, 1931; Brisman S. Tiden 1803–1834 // Ibid.; Brisman S. Den stora reformperioden, 1860–1904 // Ibid.
- ⁴¹ Heller K. Op. cit. S. 20–22.
- ⁴² Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). I собр. Т. 18. № 13219; Т. 22. № 16407.
- ⁴³ Zieliński L. Die Rubel jetzt und vor 100 Jahren. Jena: Fischer, 1898.
- ⁴⁴ Bank of England Liabilities and Assets, 1696 Onwards // Bank of England Quarterly Bulletin. Vol. 7. 1967. No. 2. P. 159–163.
- ⁴⁵ Zieliński L. Op. cit. S. 10.
- ⁴⁶ Heller K. Op. cit. S. 258–259.
- ⁴⁷ Pipping H. Paperiruplasta kultamarkkaan. Suomen Pankki, 1811–1877. Helsinki, 1961. Tables 2, 3, 5; Tarkka J., Kuusterä A. Bank of Finland 200 Years. Vol. I. Imperial Cashier To Central Bank. Helsinki: Otava, 2011.
- ⁴⁸ Позже Земским кредитным обществом губерний Царства Польского (*прим. пер.*).
- ⁴⁹ Jasiukowicz S. Der landschaftliche Kreditverein im Königreich Polen, 1825–1910. München: Wolff, 1911. S. 31–47.
- ⁵⁰ Radziszewski H. Bank Polski. Warszawa: Bank Polski, 1910. S. 508.
- ⁵¹ Radziszewski H. Op. cit. S. 522–530.
- ⁵² Stieda von E. Op. cit.
- ⁵³ Wilcke J. Kurantmønten, 1726–1788. Kobenhavn: Gad, 1927. S. 322–344.
- ⁵⁴ Svendsen K., Hansen K. Op. cit. S. 87–115.
- ⁵⁵ Ibid. S. 125–145.
- ⁵⁶ Rygg N. Norges Bank historie I. S. 231–241; Klovland J. Monetary Aggregates in Norway, 1819–2003 // Historical Monetary Statistics for Norway, 1819–2003 / O. Eitheim et al. Norges Bank Occasional Papers. No. 35. 2004. P. 208.
- ⁵⁷ Wandschneider K. Lending to Lemons. Landschaft Credit in Eighteenth-Century Prussia // Housing and Mortgage Markets in Historical Perspective / E. White et al. Chicago: University of Chicago Press, 2014; Frederiksen (1894). P. 305–326; Frederiksen D. Mortgage Banking in Germany // The Quarterly Journal of Economics. Vol. 9. 1894. No. 1. October. P. 47–76.

- ⁵⁸ Берлинский Королевский Заемный и Жиробанк (*прим. перев.*).
- ⁵⁹ Niebuhr von M. Geschichte der Königlichen Bank in Berlin. Berlin: Decker, 1854. (Reprint: Glashütten, 1971); Poschinger von H. Bankwesen und Bankpolitik in Preussen I. Berlin: Springer, 1878. S. 131.
- ⁶⁰ Niebuhr von M. Op. cit. S. 189–196.
- ⁶¹ Ibid. S. 71–76.
- ⁶² Poschinger von H. Bankwesen und Bankpolitik in Preussen I. S. 215–219.
- ⁶³ Ibid. S. 224–226.
- ⁶⁴ Poschinger von H. Bankwesen und Bankpolitik in Preussen II. Berlin: Springer, 1879. S. 15–23, 366; Ziegler D. Zentralbankpolitische Steinzeit? Preussische Bank und Bank of England im Vergleich // Geschichte in Gesellschaft. Vol. 19. 1993. No. 4. S. 475–505.
- ⁶⁵ Ziegler D. Op. cit.
- ⁶⁶ Poschinger von H. Bankwesen und Bankpolitik in Preussen I. S. 229–233; Poschinger von H. Bankwesen und Bankpolitik in Preussen II. S. 15–48.
- ⁶⁷ Richter E. Op. cit. S. 250–255.
- ⁶⁸ Sieveking H. Die Hamburger Bank, 1619–1875. Hamburg: Festschrift von Melle, 1933. S. 103–110.
- ⁶⁹ Svendsen K., Hansen K. Op. cit. S. 131–134, 220–222, 331–335.
- ⁷⁰ Rygg N. Norges Bank historie I. S. 231–237; Rygg N. Norges Banks historie II. Oslo, 1954. S. 113–116.
- ⁷¹ Klovland J. Monetary Aggregates in Norway, 1819–2003. Table A1.
- ⁷² Davidson D. Riksbanken, 1834–1860.
- ⁷³ Lakomaa E. Free Banking in Sweden, 1830–1903: Experience and Debate // The Quarterly Journal of Austrian Economics Vol. 10. 2007. No. 2. P. 122–141.
- ⁷⁴ Hoch S. The Banking Crisis, Peasant Reform, and Economic Development in Russia, 1857–1861 // The American Historical Review. Vol. 96. 1991. No. 3. June. P. 795–820.
- ⁷⁵ ПСЗ. II собр. Т. 35. Ч. 1. № 35847; Zieliński L. Op. cit.
- ⁷⁶ Левичева И.Н. Становление и развитие Государственного банка // Из истории государственной кредитной системы России. Вторая половина XVIII – начало XIX в. М., 2004. С. 75–106, 173–201.
- ⁷⁷ Zieliński L. Op. cit.
- ⁷⁸ Conant C. A History of Modern Banks of Issue. New York: Putnam, 1915. P. 260.
- ⁷⁹ Parker Willis H. Op. cit. P. 277–315.
- ⁸⁰ National Monetary Commission. Banking in Russia, Austro-Hungary, The Netherlands and Japan. Washington, Government Printing Office, 1911; Бугров А.В., Лебедев С.К. Динамика и структура операций, 1880-е – начало 1890-х гг. // История Банка России. 1860–2010. В 2 т. Т. 1. М., 2010. С. 211–229; Драган О.В. Устав 1894 г. и расширение операций банка // Там же. С. 236–272.
- ⁸¹ Wójtowicz G., Wójtowicz A. Op. cit. P. 139–141.
- ⁸² Schön J. Das Polnische Bankwesen. Katowice: Kattowitzer Buchdruckerei und Verlag, 1928. S. 80–82.
- ⁸³ Stieda von E. Op. cit. S. 149–157, 459.
- ⁸⁴ Schybergson E. Finlands Bank 1811–1911. Helsingfors, 1914. P. 96–102; Tarkka J., Kuusterä A. Bank of Finland 200 Years.
- ⁸⁵ Pipping H. Paperiruplasta kultamarkkaan. Suomen Pankki, 1811–1877. S. 529.
- ⁸⁶ Pipping H. Paperiruplasta kultamarkkaan. Suomen Pankki, 1811–1877. Tables 3, 5; Pipping H. Kultakannan turvissa. Suomen Pankki, 1878–1914. Helsinki, 1969. Table 3.